ЖИВЫМ О ПАВШИХ

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ И КОМЕДИИ ИНСЦЕНИРОВАЛ ПОВЕСТЬ В. ВАСИЛЬЕВА «А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...» И хотя эта широко известная повесть с ее бытовой детализацией, вниманием к мелочам человеческой жизни, казалась бы, меньше всего соответствует нашему представлению о «театре Любимова», именно в нем она обрела могучее звучание и оказалась донесенной в самом существенном. Не отступив от себя, театр вдруг раскрыл таившиеся в нем новые возможности, оказался многообразней и шире наших представлений о нем.

Постановщик Юрий Любимов и режиссер Борис Глаголин (они же авторы инсценировки) сначала как бы приближают к нам своих героев: старшину Васкова (эта роль — большая удача актера В. Шаповалова, во многом содействующая успеху спектакля) и девушек-солдат — очень разных, в мирной жизни несовместимых ни по характерам, ни по сложившимся судьбам, а здесь, на войне, обретающих какие-то новые, всех объединяющие качества. Прежде чем драматизм обострится и герои подой-

дут к краю трагедии, мы в серии живых жанровых сцен успеваем узнать и красивую, немного шалуную Женю Комелькову (Н. Шацкая), и тихую, совсем «невоенную» девочку Соню Гурвич (Н. Сайко), и Лизу Бричкину (М. Полицеймако) — сметливую, простую, крепкую, и фантазерку Галю Четвертак (Т. Жукова), и Риту Осянину — еще совсем молодую, но уже познавшую горечь ранней утраты (З. Славина), и многих других.

И кажется, быт торжествует, кажется, театр занимает прежде всего правда времени, среды и характеров. Эта правда возникает с первых секунд, и кузов грузовика — единственная деталь обстановки — в эти секунды действительно кузов, он так же реален, как и затянущий сцену запачканный, потемневший от пятен брезент. И лишь остроумным кажется превращение кузова то в сарай, где живут девочки, то в баню в игривом эпизоде «банного дня». Но постепенно, вместе с нарастанием событий, язык театра все усложняется, и тогда простая конкретность военного быта сменяется обобщенными обстоятельствами войны. Обнаруже-

ны немцы. И шесть человек отправляются в лес на поиски. Из них только Васкова можно назвать подготовленным к бою солдатом. Остальные — девочки, не умеющие даже «как надо» завернуть портянки, — скорее обуза, чем помощь. Но действовать надо быстро и неоткуда взять других. И они идут навстречу врагу, и враг этот возникает в виде фигур, выступающих из тьмы, — подавляюще бездушных, лишенных живых человеческих признаков, а потому одинаковых. Краски, использованные здесь театром, холодны и суровы, они резко контрастируют со светлыми, сочными красками, воссоздающими жанровость первых сцен.

И тут со спектаклем что-то вдруг происходит. Сохраняя психологическую достоверность взаимоотношений героев, даже усугубляя ее, протягивая новые нити взаимопонимания между их душами, сохраняя островки быта, постановщик все заметнее и чаще вводит в тело спектакля условность. Все дальше от воспроизведения реальных вещей уходит художник Д. Боровский. Скронные борта грузовика становятся то деревьями,

то зловещей болотной топью, то укрываем, то суровым надгробьем. И номер машины «ИХ 16—06» теперь читается нами как обозначение численного соотношения столкнувшихся сил; наших — 6, немцев — 16.

В спектакль все увереннее и значительнее вторгается музыка, вбирая в себя и мирное щебетание птиц, и скрежещущий лай вражеской речи, и какие-то необъяснимые звуки, создающие тревожную атмосферу. Постановщик очень удачно использует становящийся все более популярным прием углубления смысла происходящего путем введения то контрастирующих с действием, то комментирующих его песен.

Одна за другой гибнут девушки, жизнь за жизнью исчезает в пекле войны. И чтобы раскрыть возможности, которые были заключены в этих жизнях, театр провожает каждую героиню короткой сценой, воскрешающей наиболее яркий аспект ее довоенного прошлого. И потом, как реквием, звучит простая песня...

В очень хорошем, а потому редком спектакле, как этот, всегда есть что-то таинственное. И разбирая подроб-

но, как сделан такой спектакль, из каких составляющих возникнет громадная сила его воздействия на зрительный зал, его гражданский и эстетический пафос, мы все равно бессильны облажить его неповторимую душу, понять до конца секрет его совершенства. Сумма использованных приемов, актерских удач, режиссерских находок и постижений — все-таки только сумма, коробок спичек, которые еще надо заставить вспыхнуть.

У нового спектакля Любимова мужественная и большая душа. В ней память о самых обычных людях, рожденных прожить простую, но нужную жизнь, и силой военной необходимости погибших героически и просто. Спектакль заставляет помнить и думать об этих и многих-многих других недожитых жизнях, которыми заплачено за победу. Он заставляет понять и разрушительную жестокость войны, и преобразующую силу патриотизма, движущего героями. Он тревожит и мысли, и эмоции, приносит потрясение и радость.

Такие спектакли открывают нам будто заново возможности театрального искусства, его неубывающие силы, определяют не только сегодняшний день театра, но и его историю.

Р. КРЕЧЕТОВА.